

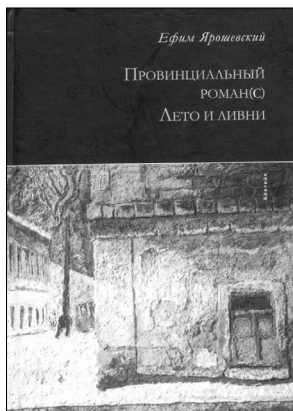
Или же были только писатели Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеша — ученики и продолжатели Бабеля, который "был и остается первым среди равных", ведь и впрямь "эхо его рассказов можно найти практически у всех авторов "Юго-Запада"?..

Ответ, однако, ищите в книге, а книгу — в магазинах: пока что ее тираж еще не распродан.

В. Распопин

...В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вторая проза

Так озаглавлен второй же раздел сборника Ефима Ярошевского, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге. Он поспел как раз к одесской книжной ярмарке "Зеленая волна" — к получению диплома.

По-разному можно относиться манере письма этого автора, к его Ойкумене, но никак не назовешь его прозу вторичной. Ярошевскому чудом удается балансировать на небольшом плацдарме, который оставили для него на одесской почве Бабель, Олеша, Ильф-Петров...

Эклектика — да! Как и все в Одессе — архитектура, культура, литература, живопись... Каждый этнос внес свою лепту в ее облик и суть. Даже тот, который практически не встречается в итогах очередной переписи населения. К примеру, арнауты (малые и большие), а ведь дали название двум улицам в центре города. Караимы, айсоры... Все меньше понтийских греков, практически нет итальянцев (а ведь при Пушкине язык Италии златой звучал на улице веселой), французов, поубавилось евреев, а ведь когда-то мы были одним из градообразующих демографических факторов...

Впрочем, персонажи Ярошевского составляют уникальный собирательный одесский генотип — Хрущик и Сычик (какие были художники!), Шурик и Степаныч, Гириш и Шмириш... Последнего я придумал только что — он похож на Фиму, но не такой нудный. Зато Фима — талантливый и лукавый и с годами становится похожим на араба и его лошадь еще в большей степени, чем Борис Пастернак.

Нет смысла рецензировать прозу, вошедшую в питерский сборник. Мы это делали не раз: как только где-то в мире выходило очередное переиздание "Провинциального роман(са)", а фрагменты "Второй прозы" печатали в нашем альманахе. Редко кому из современных одесских писателей и поэтов удалось пережить столько переизданий одного произведения. Это вызывает у иных сложные чувства, но придется смириться. Ясно одно — Ярошевского переиздают не из коммерческих или конъюнктурных соображений.

Петербургское издательство "Алетейя" отнеслось к нашему земляку с уважением и любовью. Это чувствуется при первом же взгляде на изящную книгу, при первом к ней прикосновении. Она иллюстрирована работами одесского художника Льва Межберга, ныне живущего в США, и рисунками автора, среди которых доминирует профиль Пушкина, что выдает в Ярошевском учителя русской литературы и любителя черкать на полях.

Предисловие и послесловие к сборнику написали наперсники Ефима по одесской юности, а ныне, соответственно, жители Санкт-Петербурга — Валерий Черешня и Нью-Йорка — Гриша Резников.

Оба мегаполиса пишутся через черточку. Между ними — наша Одесса.

Феликс КОХРИХТ

...В ОДЕССЕ

"Мимолетности" Лады Прокопович

Рассказы молодой писательницы печатались в одесской периодике, а теперь в "ВМВ" вышла ее книга — "Жил-был в Одессе кот", в которой героями стали одесские коты, одесские дети, няни, стильные женщины, незадачливые мужчины...

У Лады Прокопович, несомненно, есть соавтор — ее маленький сын. Гуляя с ребенком, отвлекаешься от взрослого мира, наполненного гулом несущихся, как стада мустангов, машин, дребезжаньем трамваев, люющимися с телеэкранов посулами властолюбцев. Ребенок предлагает тебе свой мир — с божьими коровками, улетающими на небо, где их детки кушают конфетки, с собаками, котами, шишками, травинками, с ма-

нящими к себе лужами, с "собачьими" грибами, с самокатами и велосипедами, со злыми тетками, непонятливыми дядьками, с корой деревьев, с тарантулом, да мало ли с чем еще, что не спрячется от любопытного взгляда, постепенно открывающего для себя все сущее вокруг.

Хоть скорее, сама Лада Прокопович сохранила непосредственность детского незамутненного взгляда на мир, который со временем стал более острым, ироничным, оценивающим по достоинству те мелочи, "мимолетности", из которых, в общем-то, и складывается жизнь.

Книга Лады Прокопович состоит из нескольких циклов рассказов, первый из которых и дал название всей книге — "Жил-был в Одессе кот". Не просто какой-то кот, не помнящий родства, а "кот в Одессе" — настоящий одессит, предприимчивый, сообразительный. Кормилец семьи. Человеческой, не кошачьей. Тема развивается дальше — "Одесса кошачья" — со стенаниями старой одесситки у свежей могилки любимого кота и выразительной оценкой достоинств усопшего: "Умный! Умнее всех моих мужей". Чисто одесская интонация.

Детский мир вокруг Лады Прокопович наполнен вечными детскими вопросами, в том числе и самыми сокровенными, о появлении на этот свет детей и даже о средствах, этому препятствующих, о первых столкновениях с подавляющей силой власти в лице "начальницы" бордюра, только что выбеленного, и травы на газоне. Ребенок, ступивший на эту траву за своей божьей коровкой, в глазах крикливой властительницы — почти государственный преступник: "Только бордюры побелим — они уже тут как тут!". "Я же не по клумбе ходила! Не по цветам! Что, уже и по траве нельзя ходить?" — "Ах, ты!... — задохнулась в гневе комендант. — Мы эту траву сеяли, поливали..."

Неравнодушному взгляду Лады Прокопович интересно все в сущем мире — и птицы, и еловые ветки с сосновыми шишками, привязанными под Новый год для коммерческого успеха, и скромный цикорий, не уступающий в достоинстве василькам, воспетым поэтами, и сансевьеры с очевидными тугими листьями, которые разводила еще бабушка...

Мир взрослых людей вызывает у автора книги то добродушную, то ироническую улыбку, и даже то, что становится причиной ее справедливого негодования, облачается в интеллигентное разочарование, без сомнительного пафоса и филиппик: "С тех пор я не пью ликеры. Почему-то".

С горьковатым привкусом иронии написан цикл рассказов с выразительным названием из псалтыри "Питие мое с плачем растворях". Если мамы и папы нет в баре, примостившемся прямо во дворе, то где же

они? — недоуменный детский вопрос. И это из обыденности современной жизни (рассказ "Барствуем?").

Можно было бы упомянуть и другие циклы рассказов из этой книги, но не это главное.

Читая книгу, убеждаешься еще в одном несомненном ее достоинстве. У автора не только внимательный и пытливый взгляд, но не менее чуткий слух и взыскательно-бережное отношение к родному языку. И это не только в иронической "Торжественной речи, посвященной Международному дню родного языка". Нашего автора буквально передергивает от лингвистической головоломки из услышанной беседы одесских студентов:

- Хай!
- Хай!
- Куда вы йдэтэ?
- А шо?
- Экзамен сдали?
- Ще ни. Вин в нас будэ тильки двадцятого января. А як у вас дила?
- Всё окей!

Это еще "интеллигентные" студенты — обошлись, во всяком случае, в этот раз без ставшей уже привычной ненормативной лексики. Но бедный, бедный язык — русский, украинский, английский — какое безобразное месиво!

Лада Прокопович, как говорится, "в миру" — "технар", выпускница Одесского политехнического университета, инженер-литейщик. В нескольких рассказах по необходимости она использует термины из лексики литейного искусства — плавка, заливка, дендритные кристаллы и прочие слова для посвященных. Тут-то и ловишь себя на мысли: "Началось! "Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне". Отнюдь. Лирическая душа автора в ее прозе побеждает "физика". И, прежде всего, эта "победа" заявляет о себе в достоинстве ее языка, в точности речевых характеристик многочисленных героев и героинь — от мала до велика, в отсутствии претензий на воссоздание "одесского" языка в его вульгарном варианте, которым часто спекулируют те, кто не знает Одессы и ее яркой выразительной речи.

Язык книги Лады Прокопович — язык интеллигентного современного человека, человека вдумчивого и начитанного, пробующего "на зуб" различные фонетические и лексические возможности, прислушивающегося к звучанию речи в спорах, перепалках, дамских "откровенничаньях". Язык человека, которому свойственно чувство самоиронии.

"ТАНКА

(как бы перевод с японского)

За окном — зима. Идет снег.

А здесь, дома — весна: в вазе цветет ветка сливы.

Мальчик и кошка нюхают нежные цветы.

А еще весной должны журчать ручьи.

Мальчик и кошка опрокинули вазу.

Алиса вспомнила, сколько удовольствия ей доставила необходимость вложиться ровно в пять строк. Ах! Много ли нам, бабам, надо?".

Так о чем книга Лады Прокопович? Может быть, и об этом — "Много ли нам, бабам, надо?". Не здесь ли вообще начало женской прозы, которая так ярко заявила о себе в конце двадцатого — начале двадцать первого века? Может, и впрямь мы, обуянные мужским шовинизмом, забывали, что мир сложнее, чем дважды два, что действительно пробивается сквозь асфальт травка, живет в Одессе кот, а женщины умеют не только любить нас или ненавидеть, но и воспитывать своим творчеством.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Просто дуй в свою трубу..."

Как это, однако, непросто. Ощутить инструмент как часть своего тела. Созидать музыку. Пожалуй, так же трудно выдувать мыльные шарики, блестящие, тонкие, воспринимая их множество как единственно нужные слова.

И чтобы звук был соразмерен смыслу.

Так, вслед за дыханием, ударами сердца и возникает высокое искусство, которое не случайно великий поэт назвал "высокой болезнью".

Третья книга стихов Владимира Каца вышла в Одессе, в "Зодиак". И словно опытный доктор, я ставлю диагноз: высокая болезнь.

Человек не столько говорит, сколько думает стихами. Легкими, как уже упомянутые мыльные шарики. Их многоцветье, воздушность, призрачность и приносит различие, разноискристость и разноискренность. Но обязательно и искристость, и искренность.

Удивительное свойство настоящих стихов: они долго живут в тебе — не тем, что ты их запомнил, выучил наизусть, а звуком...

Просто дуй в свою трубу...

И понимаешь, что труба может и должна быть только своей, а никак не чужой, не общественной.

Девять циклов в этой небольшой, но такой емкой книге. От цикла о любви до стихотворения, написанного для детей. И это тоже стихи о любви — к этим детям.

Девять разночтений становятся вдумчивым, серьезным чтением. Угадываются поэты — предшественники, угадываются читатели — книголюбы, но главное: от чтения к чтению растет образ поэта, которому уже подвластны и мысли, и форма, умение свести их в строгую формулу. Поверим и мы алгеброй гармонию.

Рисунок ритмически выверен точно,
До крохотной точен детали,
И каждая буква, и каждая строчка
Как будто ковались из стали.

Слова все на месте, и пригнаны плотно
Стихи хороши, но покуда
Ты их не наполнишь дыханьем полета, —
Не жди ощущения чуда.

Мне кажется, эта формула дает представление о зрелости мастера, о точке приложения сил. Сделать статику слов полетной строкой! Как это сделать?

Просто дуй в свою трубу...

И если есть в тебе гармония, она исторгнет полетный звук, который покорит твою возлюбленную, ублажит твоих детей, одухотворит твой город.

Владимир Кац — способный ученик. От первой книги до третьей он вырос в мастера. Дай ему Бог умение сопрягать с порывами души, с любовью эти формулы — и тогда, только тогда мастер превратится в творца.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ